

* * *

Травы, звери, птичьи переливы!..
Радуясь, мелькая и звуча,
Всё живёт в неведенье счастливом...
Только людям ведома печаль.

Знаем мы, что есть на свете нечисть,
Только, уподобленным почти,
Нам понятья «вечность», «бесконечность» —
Разум, бедный разум! — не постичь.

Но зато — как милость иль немилость? —
Осознать такое не сумеь,
Свыше нам зачем-то приоткрылась
Сущность рокового слова «смерть».

Проступая сквозь свинец ненастья,
Сквозь весёлый полдень голубой,
Чёрная «memento mori» надпись,
Словно меч, висит над головой.

С тайною надеждой и тревогой,
В большинстве своём на склоне лет,
Молим приютиться ближе к Богу,
Веря: рядом с Богом смерти нет.

* * *

Глухие дебри. Луч прощальный...
Гниют болота. Дремят совы.
Там — одинока и печальна,
Людьми забыта, бродит совесть.

Там нет жилья и нет дороги.
Туманы сыро липнут к платью,

Быльё босые режет ноги —
Идёт она и молча плачет.

Стремясь к богатству и успеху,
Её, как дряхлую служанку
И как досадную помеху,
Прогнали прочь... А ей всех жалко.

Май 1945 г.

Всё!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...

Мир настал — сойти с ума!..
Что ж, начнём жить заново!
...Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.

Реет выше синева
Знамя то — нетленное!
И бредут по мостовым
Те — военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили — как всегда! —
Ватники и валенки.

Радостный день

Хорошо-то как на белом свете!
Синий плеск, зелёная прохлада...
Свежая рубашка, стол да свечка —
Больше ничего-то и не надо.

Эх, какой денёк сегодня выпал!
Всё с утра на радость заводило,
Сердце пело, шелестела липа,
В полдень Муза в гости заходила.

Пел петух — аж, бедный, надрывался! —
Пел мой чистый домик деревенский,
Юный ветер в форточки врывался,
И, как птиц, ловил я занавески!..

...Я бродил по воле; травы гнулись,
А потом случайно у ограды
Встретилась, лукаво подмигнула
Женщина, любимая когда-то...

Предложила вспомнить наши встречи. Вот сижу, блаженный, и мечтаю,
Да легко. Какие наши годы! Что и к ночи всё, как в сказке, будет:
...Вот сижу на лавочке под вечер В двор слетит Жар-птица золотая
И не жду чудеснее погоды. И затмит сияньем прозу будней.

* * *

И не могу я в этот дом
Войти без низкого поклона.

Виктор Баянов

Свет вечерний высок. Ещё нету семи.
У конторы автобус споткнулся и скрипнул...
Ты приехал домой — что ж так сердце щемит? —
Ни шагнуть, ни вздохнуть и ни вскрикнуть.
Свет вечерний высок. Далеко до росы.
А над крышей родимой твоей развалюхи
Бравый клён шелестит — так нелепо красив! —
Как гвардейский султан на мужицком треухе.
Эх, ты, дом, ты, мой дом, что поделаешь тут.
Для живущего здесь населенья
Ты всего лишь чудной бабки Марьи закут,
Для меня же — начало вселенной.
Всякий раз заходя в сень простых потолков,
В предзакатных лучах, как в оранжевом дыме,
Я крещусь на портреты своих стариков,
На которых они молодые.
Здесь когда-то твоя загорелась звезда,
И от высшей печали заплакал впервые...
Детских лет голоса, отзвенов навсегда,
В ленты радуг ушли и в цветы полевые.
...Вот приблизишься и... мать не выйдет встречать.
Той минуты страшусь до иголок по телу! —
Мне куда приезжать? Где мне выть по ночам
От всемирной тоски оголтелой?!
...Редкий лай, палисад, сон травы под окном,
Мироздания огни... — или это всё тени?
Появляясь на свет, мы всё знаем о нём,
Покидаем в неведение, в горьком смятенье...
Дан приход и уход. Ничего на века.
Но я так не хочу, я на Бога в обиде, —
Без меня над землёй будут плыть облака,
Но как я — их никто больше так не увидит!
Этот день голубой мне глаза напитал,
От подлунных ночей голова серебрится;
Пусть когда и шатнусь, но я жить не устал,
Это сердце в груди не готово разбиться!..
Ничего, ничего, мы ещё поживём.
Пусть косая не шлёт свою группу захвата;
Улыбнуться сквозь слёзы, вздохнуть о своём...
Ну, веди меня, матушка, в хату.

Наднебесная гора

Этот сон не выдумал, не вычитал,
Ясно видел: вечный, как любовь,
Крест лучился светом переливчатым
Над вершиной — бело-голубой...

У подножья спали ветры выюжные;
И — кольцом средину охватив —
Серебрились облака жемчужные, —
Хоть разуйся и по ним ходи.

В странном гроте, выше что находится,
Неземные, светлые лицом,
Под святым сияньем Богородицы
Средь других стояли мать с отцом.

Мимо бед земных к чему-то высшему
Их несла незримая река;
Я их звал — они меня не слышали,
Так и не узнав издалека...

На слепых скоростях

Дави педаль, прибавь ещё немного! —
Навстречу только ветра перезвон!..
Чем дальше даль и чем прямей дорога,
Тем мягче убаюкивает он...

Ну, вот!.. Дремали руки на руле,
Воробушек, зачем вильнул от стаи? —
Сырой шлепок!.. пушинка на стекле...
Так детство разбивается о старость.

Вот приехал

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень —
Не в цвету, а в инее.

Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен;
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?..

Прошемлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?

Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе,
Что ж слеза вдруг капнула?

Разожгу среди зимы
Мёрзлые поленья;
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.

Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас с тобой не будет тут.
Нас совсем не будет.

* * *

Молодая мама своему сыночку,
Сидя у окошка, под синиц свистки,
Вышивала в полдень синюю сорочку —
В крестик чёрно-белые цветки.

Лишь всего два цвета (ниток было мало),
Только в два рядочка стёжка пролегла,
Только на сорочке, но хотела мама,
Чтоб в цветах вся доля у него была.

С трёх икон святые молча наблюдали.
Над шитьём витала лёгкая рука.
За окном сияли голубые дали,
Зеленели травы, плыли облака...

Дорогая мама, как ты угадала.
В стороне далёкой после, без тебя,
Вышилась сыночку (ниток было мало)
В крестик чёрно-белая судьба.

Со времён Иерусалима

На осле он въезжал, осиянный...
Чернь, толпа... вот такие они:
В час триумфа кричали: «Осанна!»
Через несколько суток: «Распни!..»

После вновь уповают на бога.
До поры будут тех обожать,
Кто собой защитит их, убогих,
И обязан любить, ублажать.

Нынче нужен Спаситель им снова,
Во грехах извалялись вконец,
Ждут прощенья... но так же готовы
Крест срубить и натянуть венец.

Им кровавого зрелища надо...
Совершив свой несправедный суд,
Вновь собьются в покорное стадо,
И опять фарисеи пасут.

Пень

Как кроной он шумел!.. Теперь замшелый.
Кому нужны такие трухляки?
Но вот в апреле вдруг похорошел он
И выстрелил зелёные ростки!

Семейка дружно брызнула из корня
И потянулась к радостному дню,

Явилась миру дерзко, непокорно!..
Что оставалось патриарху пню?

Не каждому назначено судьбою
В конце такое счастье испытать:
Крошиться в прах и жертвенно собою
Потомство шаловливое питать...

Золотой жук

Осенний свет к земле прильнёт,
Печаль высокую прольёт...
И в чаще, ржавой до изнанки,
Лешак нечёсанный вздохнёт,
Рябина красным полыхнёт,
Как шалью смуглая цыганка.

Денёк погодой одарил
И поздним солнцем озарил,
Сменил унылые картины;
В кусту, застрявшем в камыше,
Блестит, похожий на мишень,
Лоскут ажурной паутины...

...Бредёшь в стеклянной пустоте
С невольной думою о тех,
Кто здесь топтал тропинки эти:
Ушли в грядущие года,
Иль в никуда и навсегда —
Прожив своё и не заметив?..

Луч низом медленно скользит,
Травинку острую пронзит
До самой тоненькой прожилки;
Жук золотой по ней ползёт,
Ползёт, родной, своей стезёй,
Упорно так — как я по жизни...

Земля

В чёрном космосе, как бы случайно
Приютившая рой человечий,
Странный свет голубой излучая,
Еле слышно планета щебечет...

Неподвластны законам науки,
С постоянством каким-то напрасным,

В ней рождаются жизни и звуки,
Чтоб мгновенно в безвременье гаснуть...

Всё живое под солнечным светом
Возникает, кипит, умирает...
А вселенский безжалостный ветер
Следом хрупкую память стирает.